Автор: Оргкомитет
03.05.2012 23:01

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

1. Анастасия Лиене ПРИЕДНИЕЦЕ. Саулкрасты, Латвия.

Филин

Дайнис Озолиньш — эдакий Адонис
латвийского розлива: статен и мускулист.
И синеглаз-то Дайнис, и белобрыс.
Фамилия Дайниса означает «дубок»,
однако Дайнис — весьма приличный юрист,
разум, как сельский колодец: холоден и глубок.
Один таракан у Дайниса. Как огня
боится Дайнис простого словечка «я».

«Да? И что тут такого?» — спросят меня. А вот же:
кто-то скажет: «ну, я пошёл» — этот скажет: «пора идти».
Кто-то скажет: «я должен» — а этот сказанёт: «человек должен».
И глядит, как филин с еловой лапы: вот-вот нападёт, скогтит!

Половина его друзей заявила самоотвод,
а Ирена Динвалде, понимаете, с ним живёт.

У Ирены прадед был немецкий барон,
но с её рыжей стрижкой забавляются семь ветров,
а глаза у неё — как летний Рижский залив!

А безличности ей, конечно, не завезли.

«Я люблю тебя, Дайнис!» —
«Ирена, ты опять о себе!
Ты о чём-то другом говорить способна? Хотя бы час!
«Я» да «я», словно ты — пуп земли или центр небес!
И вообще: о чувствах надо молчать!»

Ирена кричит: «Я прибью тебя, идиот!»

А на самом деле
боится, что он без неё умрёт.

Представляется ей: вот прогонит его взашей —
а он рухнет оземь да филином обернётся
и, свирепо-беспомощно щурясь от майского солнца,
улетит из города в лес — учиться ловить мышей,
промахнётся, сломает крылья — и будет съеден
кем-нибудь из хищных соседей.

2. Леонид ПОТОРАК. Кишинев, Молдова

С каждым годом мир все тесней, тесней...

С каждым годом мир все тесней, тесней,
Надо же забраться в такую даль,
Чтобы оказалось – собрались все,
Или мир, вернее, нас всех собрал,
Для чего-то все-таки нас берег,
А скорее, просто - упав без сил,
Видит: выпал спичечный коробок,
Не забыл бы – выбросил, но забыл,
И теперь, еще тяжело дыша,
Вытащил из горсти других вещей,
Удивленно к уху поднес: шуршат!
Сколько лет я их проносил в плаще?
Ну а мы-то думали: сколько зим,
Сколько бед уже миновало нас,
Ну давайте встретимся, посидим...
Где мы с вами виделись в прошлый раз?

Так, наверно, и через двести лет,
Мы, устав от смены времен и мест,
Соберемся в спичечном коробке
Пошуршать у самого уха небес.

3. Алексей ЕФИПОВ. Ярославль, Россия

Воробей

Весна. И шерше. И ля фам. Поиск женщины...
Под ретро-мотивы аллей
С глазами ребёнка, в тюрьме отсидевшего,
Хватает мой хлеб воробей.
Из чёрствой земли баррикадно трава торчит...
Воробушек - русский Гаврош -
Под вечер заснёт... И над ним Экскаваторщик
Поднимет Медведицы ковш.

4. Геннадий АКИМОВ. Курск, Россия

Гипербола

Ты говоришь мне: "ну встань, сходи принеси картошки,
сколько можно валяться, вконец на всё наплевал".
И удаляешься гордо по выбеленной дорожке,
в то время как я спускаюсь в тёмный сырой подвал,
и встретив там полузнакомого человека,
затеваю ненужный тягостный разговор
(это Петр Петрович, инженер из ЖЭКа,
его руки, покрытые гарью, держат какой-то прибор).
Он вертит ручки, выставляет настройки,
а я со слезой рассказываю о том,
как когда-то встретил тебя у Зойки,
и всё-всё, что случилось потом,

говорю: "инженер, проникнитесь сутью:
металлы бурлят в глубинах, all you need is love,
и я был золотом, она была ртутью,
и мы, кипящие вместе, образовали сплав.
Не зная надломов, раздоров, клиник,
мы были ближе всех близнецов,
но какой-то назойливый нудный алхимик
разъединил элементы и тигель убрал под засов.
Теперь, как ледник, любовь холодна и белым-бела,
а когда-то реками лавы текла горячо..."
Он сухо роняет: "Это всего лишь гипербола",
и разрезает меня надвое тонким лучом.

5. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Старуха вяжет зимние носки

Старуха вяжет зимние носки,
Скрипит под нею старая кровать.
Кто знает глубину ее тоски?..
Старухе скоро - девяносто пять.

Она торгует шерстью и шитьем
На придорожном рынке у моста,
И если напрямик, сквозь бурелом,
То до него обычная верста.

Старуха вяжет. Может быть, продаст...
Невестка варит яблочный компот.
Мяукает голодный "Гондурас" -
Зачуханный, бесхвостый черный кот.

Невестка злится. Вновь... не с той ноги.
(Старуху вязко пробирает дрожь).
"Бои-ишься? Ведьма! Дай пожить другим,
Ты и до ста, наверно, доживешь."

Старуха вяжет. Катится слеза.
(Утерла незаметно рукавом)
Потом взглянула вверх, на образа,

На небо, загрязненное окном.

А до икон достать - длина руки...
А до небес - обычная верста...
Старуха вяжет зимние носки,
Она не хочет, Господи, до ста...

6. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

Пристань сорока шоссе

Столица – пристань сорока шоссе.
Сюда приходит каждый одиссей
И учит по ускоренной программе
Язык – неглинный, трубный, моховой;
Брусчатка облаков над головой
Пружинит под тяжелыми шагами:
Архангелов почетный караул
Москву по кромке МКАДа обогнул.

Бог перекрестков, сидя на Тверской,
Орудует в наперстки день-деньской
И шарик солнца под Манежной прячет,
А ты плывешь, пятак зажав в руке.
Ручей Варварки вынесет к реке
Трамвайчик и косяк машин в придачу –
Сквозь грязь и хлябь просоленной зимы
В неистребимый запах шаурмы.

Смеется март, гуляка и ходок…
Эй, одиссей, купи себе хот-дог
И полвесны московского разлива.
В Гребном канале проступает Тибр,
Над Пушкинской вспухает Палатин,
Мимоза превращается в оливу,
И варвары, как и пристало им,
По камешку разносят Третий Рим.

Нетороплив столичный рагнарек.
Ты, одиссей, ступай себе в ларек,

А лучше возвращайся на Итаку.
Не тронь времен ослабленную связь.
Твоя война еще не началась,
А там, глядишь, и Троя сменит власть,
И пенелопам не придется плакать.

7. Михаил ДЫНКИН. Ашдод, Израиль

Старик

схоронил трёх жён теперь уже не ходок
делит квартиру с призраками и кошкой

и соседи слева зовут его "кабысдох"
а соседи справа "зомби" и "старикашкой"

призраки оживляются по ночам
щёлкают пальцами пахнут тоской и потом

а потом наступает утро и огненная печать
заверяет действительность или что там

он поднимает к небу слезящиеся глаза
и немедленно забывает зачем их поднял

у него на щеке зелёная стрекоза
а на подбородке вчерашний полдник

он вышел за хлебом упал на газон и спит
и снится ему как у окна в гостиной

пыльное кресло качается и скрипит
покрываясь сизою паутиной

8. Андрей СИЗЫХ. Иркутск, Россия

Кратко о природе бурятской поэзии

А.Перенову

I.
В Улан-удэ, где из любого худого пегаса,
Не задумываясь, сделают горячие бурятские позы,
Проживает очень древняя поэтическая раса,
Не признающая скучной и серой промозглой прозы.
Нет, не подумай чего – специально, буряты поэм не пишут.
Они живут и говорят по-бурятски – одними стихами
С тем, кто диктует им легкие рифмы с небесной крыши.
И, значительно реже и скупо, делятся этим с нами.
С другими, кто не рожден, как они, из околоплодных вод Байкала –
Людьми, сохранившими память о многочисленных предках.
С теми, кто никогда не поймет значенья бараньего сала,
Для возникновения вдохновенья в нейронах и прочих клетках.
II.
Лишь тот, кто с ними, за ужином, пил святое степное вино тарасун
(по-нашему, это яство зовется - забродивший коровий обрат),
Будет, для пожилой и замужней бурятки, как нареченный сын.
Деве, возможно, – законным мужем, а остальной орде – кисло-молочный брат.

9. Евгений СМИРНОВ. Вильнюс, Литва

Ёлка

-а ты маленький был, тоже и ёлка была?
-была, конечно была.
-а какая?

***

ёлка в полночь волшебство
Новый год и Рождество
беззаботная пора
горка санки детвора
долгожданные подарки

и солдатики и марки
самодельные игрушки
маски дождики хлопушки
мандарины шоколад
белый бабушкин салат
гости шумные отца
мама юная с лица
фильмы разные и книги
и девчоночьи интриги
шорох чей-то темнота
шифоньера высота
и хоккейный звонкий лёд
и Гагарина полёт
вся в огне наутро Куба
и гармоника у клуба
и семь бед один ответ
фейерверки в белый свет
и позёмка вдоль просёлка
вот была какая...

***

-ёлка! а гагарина, это что?

10. Аркадий КАРИЕВ. Рига, Латвия

Из письма

Тут все по старому, мой друг, тут все по старому
И снег на крышах тает по весне
И женщина, с движеньями усталыми
По вечерам является ко мне
Мы курим, кофе пьем и крутим музыку
Мелодии когдатошнего дня
Я памятью своей ее не мучаю
Она своей не мучает меня.
Она уйдет, или она останется
А завтра вновь придет и вновь уйдет
Не суждено нам вместе стариться,
Тащить вериги будничных забот.

Ей хочется, Бог весь, чего ей хочется
Как всем, должно быть , счастья и тепла,
Она всю жизнь бежала одиночества
И убежать, как видно, не смогла
И всякий раз прощаясь с ней на лестнице,
И говоря привычное «Пока!»
Тоска меня пронзает в сердце лезвием
Такая непонятная тоска.
И что я ей, в ее отчаянной бездомности
Что мне она, в моем пустом дому.
Как дно искать в отчаянной бездонности
И горестно, и вовсе ни у чему.

{jacomment off}